

ЛЕОН ДЕГРЕЛЛЬ

ЛЮБИМЕЦ ГИТЛЕРА.
РУССКАЯ КАМПАНИЯ
ГЛАЗАМИ ГЕНЕРАЛА СС

Мемуары Второй мировой

Леон Дегрелль

**Любимец Гитлера. Русская
кампания глазами генерала СС**

«Алисторус»

1949

Дегрелль Л.

Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС /
Л. Дегрелль — «Алисторус», 1949 — (Мемуары Второй мировой)

Мемуары командующего 28-й добровольческой дивизией СС «Валлония» были впервые изданы в 1949 году за границей. Советскому и российскому читателю они были неизвестны, несмотря на то что воспоминания гитлеровского военачальника посвящены в основном войне на Восточном фронте. И вот впервые в России – полный перевод этого произведения на русский язык. Леон Дегрелль – бельгийский военный и политический деятель ультраправого толка. Один из основателей и лидер Рексистской партии Бельгии, человек, сделавший головокружительную карьеру в войсках СС. Он был тем, о ком Адольф Гитлер говорил, что хотел бы видеть своего сына похожим на него.

© Дегрелль Л., 1949

© Алисторус, 1949

Содержание

Предисловие	5
I	9
Завоеванная Украина	13
Днепропетровск	16
Фронт в грязи	18
Деревня	21
II	23
Ледяные дороги	25
Рождество в Щербиновке	27
Итальянцы Донбасса	29
Воюющая степь	31
Казаки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Леон Дегрелль

Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС

*В память и во славу двух тысяч пятисот бельгийских добровольцев
из легиона «Валлония», героически погибших на Восточном фронте в 1941
—1945 годах в борьбе против большевизма, за Европу и за свою Родину.*

Предисловие

В 1936 году я был самым молодым политическим лидером в Европе.

Когда мне было двадцать девять лет, я заставил содрогнуться мою страну до самых сокровенных ее глубин. С большой верой и страстью за мной шли сотни тысяч мужчин, женщин, юношей и девушек. Как ураган, я вбросил в бельгийский парламент десятки депутатов и сенаторов. Я мог стать министром: мне надо было лишь сказать слово и принять участие в политической игре партий.

Я предпочел быть вне официальной политиканской трясины, выбрав суровую борьбу за порядок, справедливость, чистоту, поскольку был одержим идеалом, не допускавшим ни компромиссов, ни колебаний.

Я хотел избавить мою страну от диктата сил денег, которые коррумпируют власть, разъедают государственные учреждения, загрязняют совесть людей, приводят к краху экономики, труд.

Анархическому режиму старых партий, пораженных проказой политико-финансовых скандалов, я хотел легальными средствами противопоставить создаваемое мной государство сильное и свободное, организованное, ответственное, выражающее настоящую энергию народа.

Речь шла ни о тирании, ни о диктатуре. Речь шла о здравом смысле. Страна не может жить в беспорядке, в некомпетентности, в безответственности, неуверенности, гнилой коррупции.

Я требовал авторитета в государстве, компетентности в общественных делах, последовательности в национальных делах, реального, живого контакта между массами и властью, умного и продуктивного согласия между гражданами, которых разделяли и противопоставляли только искусственные распри: борьба классов, религиозные разногласия, языковые различия, тщательно и заботливо подпитываемые и поддерживаемые, так как представляли саму жизнь противоборствовавших партий, с одинаковым лицемерием театрально оспаривавших или деливших между собой привилегии власти.

Я устремился с метлой в руках в гущу этих коррумпированных банд, истощавших силу моей Родины. Я их перетряхнул и высек. Я разрушил перед народом убеленные алтари, за которыми они прятали свои мерзости, свой разбой, свои преступные сговоры. Как ветер молодости и идеализма, вея над моей страной, я вдохновил духовные силы, возродил высокую память борьбы и славы народа стойкого, трудолюбивого, жизнелюбивого, достойного изобилия и красоты.

Организация REX стала реакцией на коррупцию, продажность той эпохи. REX стала силой политического обновления и социальной справедливости. REX был особенно страстным порывом, выплеском тысяч душ, хотевших дышать, светиться, подняться над низостью режима и времени.

Такой была борьба до мая 1940 года.

Вторая мировая война – которую я проклял – изменила все в Бельгии, как и в других странах. Старые учреждения, общественные институты, старые доктрины рухнули, как замки из сухого дерева, давно уже замшелого.

REX никоим образом не был связан с победоносным Третьим рейхом, ни с его главой, ни с его партией, ни с каким бы то ни было из его руководителей или его пропагандистов. REX был по существу движением исключительно национальным, абсолютно независимым. В захваченных архивах Третьего рейха не нашли ни малейшего следа какой-либо связи, прямой или косвенной, рексизма с Гитлером до вторжения в 1940 году. Наши руки были чисты, наши сердца были чисты, наша любовь к Родине – горячая и ясная – была чиста от всякого компромисса.

Немецкий натиск оставил нашу страну изнемогающей.

Для восьмидесяти девяти процентов бельгийцев и французов война в июле 1940 года была закончена; доминирование рейха было, впрочем, реальностью, к которой старый демократический и финансовый режим горел желанием адаптироваться как можно быстрее.

Было своего рода соревнование, кто из хулителей Гитлера в 1939 году быстрее всех бросится в ноги победителю 1940 года: руководители крупных левых партий, финансовые магнаты, владельцы самых влиятельных газет, государственные министры-масоны, бывшее правительство, – все просили, выклянчивали благосклонность, возможность сотрудничества.

Разве можно было отдавать позиции дискредитированным призракам старых партий, финансовым гангстерам, для которых золото – единственная родина, или темным продажным бандитам, разбойникам без таланта, без достоинства, готовым на самую гнусную работу прислуги для удовлетворения своей жадности или своих амбиций?

Проблема была не только патетической: она была срочной, требовавшей безотлагательного решения. Почти всем наблюдателям немцы казались окончательными победителями. Надо было решаться. Могли ли мы из-за страха ответственности оставить нашу страну плыть по течению?

Я раздумывал многие недели. И только после того как я спросил и получил на высоком уровне одобрительное мнение, я решил возобновить издание газеты рексистского движения «Настоящая страна».

Бельгийское сотрудничество с немцами, начатое в конце 1940 года, происходило тем временем в гнетущей атмосфере. По всей очевидности, германские оккупационные власти больше интересовали силы капитала, а не идейные силы. Никому не удавалось точно узнать, что замышляла Германия.

Бельгийский король Леопольд III изъявил очень смелое желание прояснить ситуацию и добиться уточнения. Он попросил у Гитлера аудиенции, которая была получена. Но, несмотря на свою добрую волю, король Леопольд вернулся из Берхтесгадена не получив и не узнав ничего нового.

Было ясно, что нашей стране нужно дожидаться мира. Однако мир пришел бы слишком поздно. До конца военных действий надо было добиться права вести эффективные переговоры и с достоинством говорить от имени древнего и гордого народа.

Как добиться такой возможности?

Сотрудничество внутри страны было всего лишь делом достаточно медленного вложения сил, своеобразным изматыванием в борьбе за влияние, борьбе повседневной и раздражающей, которую вели темные «мелкие сошки». Эта работа не только не дала бы никакого престижа тому, кто ею занимался, но и могла бы дискредитировать его.

Я не хотел попасть в эту ловушку. Я искал, я ждал другого. Это другое случилось внезапно: этим стала война 1941 года против Советов.

Это был уникальный случай, возможность для нас добиться уважения рейха через сражения, страдания и славу.

В 1940 году мы были побежденными, наш король был пленным королем.

В 1941 году внезапно нам представилась возможность стать соратниками и равными с победителями. Все зависело от нашего мужества. Наконец-то мы имели возможность завоевать достойную позицию, которая позволила бы в день реорганизации Европы говорить с высоко поднятой головой от имени народа, пожертвовавшего свою кровь.

Определенно, устремляясь к сражениям в восточные степи, мы хотели исполнить наш долг европейцев и христиан, но, мы это говорим открыто, мы это заявили прямо и ясно с первого дня, мы прежде принесли в жертву нашу молодость, мы отдали нашу молодость прежде всего для того, чтобы гарантировать будущее нашего народа внутри спасенной Европы. Это за нее прежде всего погибли многие тысячи наших товарищей. Это за нее сражались тысячи мужчин, сражались четыре года, страдали четыре года, поддерживаемые этой надеждой, подкрепляемые этой волей, усиленные уверенностью, что они придут к цели.

Рейх проиграл войну. Но он мог бы определенно ее выиграть. До 1945 года победа Гитлера оставалась возможной.

Гитлер-победитель, я в этом уверен, признал бы за нашим народом право жить и быть великим, право, которого добились для него тысячи наших добровольцев.

Добиться внимания рейха им стоило двух лет эпических сражений. В 1941 году бельгийский добровольческий легион «Валлония» не был замечен. Наши солдаты должны были совершить многие подвиги, сотни раз рисковать своей жизнью, чтобы водрузить имя своей страны на уровень легенды. В 1943 году наш добровольческий легион стал знаменитым на всем Восточном фронте своей идейностью и отвагой. В 1944 году он достиг вершины своей славы во время одиссеи при Черкассах. Немецкий народ больше, чем какой-либо другой, восприимчив к воинской славе.

Наш моральный дух оказался уникальным в рейхе, намного выше любого другого из оккупированных стран.

Я два раза долго видел Гитлера. В тот год это был визит солдата, но визит, ясно показавший мне, что мы выиграли партию. С силой пожимая мне руку двумя своими руками в момент прощания, Гитлер сказал мне дрожащим от волнения голосом: «Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он стал таким, как вы». Как после этого отказать моей родине жить в чести? Мечта наших добровольцев была достигнута: в случае немецкой победы они блестяще обеспечили возрождение и величие своего народа.

Победа союзников временно сделала ненужным это ужасное усилие четырех лет боев, жертвы наших погибших, голгофу выживших.

Сегодня мир с яростью обрушивается на побежденных. Наши солдаты, наши раненые, наши калеки были осуждены на смерть или заключение в гнусных лагерях и тюрьмах. Нет уважения ни к чему – ни к чести солдата, ни к нашим родителям, ни к нашим семьям.

Но невзгоды не сломят нас. Величие никогда не бывает напрасным, бесполезным. Ценности, завоеванные в боли и жертвах, сильнее, чем ненависть и смерть. Как солнце, возникающее из глубоких ночей, эти ценности рано или поздно воссияют.

Будущее пойдет намного дальше этой реабилитации. Оно не только воздаст честь героизму солдат на Восточном фронте во время Второй мировой войны, оно скажет, что они были правы в отрицании, так как большевизм есть конец всяким ценностям; что они были правы в положительном, так как объединенная Европа, за которую они сражались, была единственной возможностью выжить, может быть, последней возможностью для старого чудесного континента, бухты нежности и страсти людей, но изуродованного, разорванного, расчлененного до смерти.

Придет день, когда будут горько жалеть о поражении в 1945 году этих защитников и этих строителей Европы.

А пока скажем правдивыми словами, какой была их эпопея, как они сражались, как страдали их тела, какими самоотверженными были их сердца.

Через эту эпопею бельгийских добровольцев, одной части из сотен частей, вновь встанет перед глазами весь русский фронт с солнечными днями побед, с еще более волнующими днями больших поражений – поражений, навязанных материей, но которые не принимал дух наш.

Там, в бесконечных степях, люди провели часть своей жизни.

Читатель, друг или враг, посмотри, как они воскресают, потому что мы живем в то время, когда нужно долго искать, чтобы найти настоящих мужчин, а они были такими до мозга костей, ты это увидишь.

Л. Д.

I Бросок на Украину

22 июня 1941 года началось как и все добрые летние воскресенья.

Я рассеянно повернул рычажок радиоприемника. Вдруг меня зацепили слова: войска Третьего рейха перешли европейскую границу СССР!

Польская кампания 1939 года, норвежская кампания, голландская, бельгийская и французская в 1940 году, военные операции в Югославии и Греции весной 1941 года были всего лишь предварительными или отвлекающими. Настоящая война, та, в которой будет разыграно будущее Европы и мира, только что началась. Это не была больше война границ и интересов. Это была религиозная война, и, как и все религиозные войны, она была безжалостной.

Прежде чем бросить свои танки в степи, рейх долго хитрил, как кот на охоте.

Национал-социалистическая Германия 1939 года переживала беспрецедентное напряжение, но она распрямилась посреди таких электрических разрядов, в громе и ослепительном свете таких мощных бурь, что вся Европа, весь мир почувствовал дрожь. Если бы все ее западные враги обрушились бы на Рейнскую область и Рурский бассейн, если бы в то же время советская масса покатила на Восточную Пруссию и Берлин, то Гитлер сильно рисковал бы быть задушенным. Он охотно повторял, что Вильгельм II проиграл войну 1914—1918 годов из-за того, что ему не удалось избежать войны на два фронта. Он собирался сделать и допустить вдвойне худшее. И однажды увидят, как бок о бок по руинам дворца рейхсканцелярии в Берлине прогуляются не только шотландцы и мужики, но и негры Гарлема и вкрадчивые, хитрые киргизы азиатских степей.

В августе 1939 года, накануне вторжения в Польшу, Гитлер в последний момент избежал этого удушения.

Сталин должен был только свести свои старые счета с национал-социализмом: его сотрудничество с союзниками казалось заранее установленным и гарантированным. Лондон и Париж послали советскому царю военные миссии, которые были преданы широкой, яркой и звонкой огласке. В течение этого времени в полном секрете Гитлеру удалось ослабить веревку.

Сталин так же, как он, сыграл ловко. Он был сильно заинтересован сначала в том, чтобы ослабить плутократические демократии и национал-социализм. Он был врагом как одних, так и другого. Чем больше они ослабеют, тем легче в конечном счете будет задача для коммунистов. Сталин вел свою игру как хитрый азиат и главарь международной банды, уверенный в своих людях. Он смог открыто обозначиться союзником Третьего рейха. В целом мире коммунистическая дисциплина была абсолютной.

Результаты этой необычной солидарности сразу же почувствовались. Мировая война была официально и «целомудренно» развязана. Поскольку Гитлер захватил Польшу, Сталин сделал то же двумя неделями позже... Никто в союзнических канцеляриях не осмелился отреагировать.

Тем не менее советский вождь вонзил нож в спину покачнувшейся Польши. Он смог это сделать безнаказанно. Он аннексировал более трети ее земли. Союзники не решились объявить войну правительству СССР.

Это моральное и военное отречение придало коммунистическим бандам, рассеянным по всей Европе, непоколебимую уверенность. Сталина испугались! Перед ним отступили! То, что было нетерпимым исходя от Гитлера, было терпимым исходя от Советов!

Союзники проглотили, как ужи, жабы, скорпионы, мораль и принципы, потому что они боялись укрепить альянс Сталина с Третьим рейхом. Они также боялись саботажа, тщательно подготовленного или в стадии подготовки, различных коммунистических партий внутри каж-

дой из союзнических стран. Интерес, выгода, как всегда, возобладали над любыми другими соображениями.

В реальности все длилось не более двух недель. С сентября 1939 года у союзников была только одна мысль и цель: не нервировать СССР, обозначить примирение со Сталиным, несмотря на его агрессию в отношении их союзника – Польши.

Сталин мог предпринимать многие диктаторские действия, положить конец независимости Эстонии, Латвии и Литвы, вырвать у румын Бессарабию. Важно было одно: сделать возможным изменение направления вектора лагеря русских.

Менее чем через два года это было сделано.

Германия в 1939 и в 1940 годах выиграла сражения в Польше, Норвегии и на Западе. Но она воевала уже более пятисот дней, не достигнув главного: победоносно высадиться на английской земле.

Англия, со своей стороны, в 1941 году также не ступила пока на Европейский континент: Черчилль говорил о многолетней подготовке.

Таким образом, путь для Сталина был свободен. Свободен в направлении рейха. Особенно свободен на Балканах.

Игра становилась все более и более напряженной. Немцы умело выдвинули свою пехоту в направлении Бухареста, Софии, Белграда. Необдуманный поступок Югославии, разорвавшей в мае 1941 года пакт, заключенный с рейхом неделей раньше, привел к решающему событию. Советы, тайные подстрекатели операции, смотревшие дальше, чем игрушка британского шпионажа – молодой король Петр, публично телеграфировали о своей симпатии к югославскому правительству.

Конечно, бронетанковые войска немцев в две недели смели Белград, Сараево, Салоники и Афины, десантники маршала Вринга оккупировали остров Крит. Но германо-советский разлом был явным. С тех пор альянс с рейхом отжил свое. Он принес Советам все то, что Сталин мог ожидать: свежий кровавый кусочек Польши, три прибалтийские страны, важные позиции в Финляндии, прекрасную Бессарабию.

Гитлеровский «лимон» был полностью выжат. Пришло время выжать и второй «лимон» – демократический. Известно, какой сок в конце концов дал этот лимон Советам в 1945 году: оккупацию территорий, населенных двумястами миллионами европейцев и азиатов, Красную армию, разместившуюся в Тюрингии, на Эльбе, перед Любеком, в Петсamo, в Манчжурии, в Корее, на Курилах!

Югославский вопрос, претензии, заявленные Молотовым, на Балканы, военные приготовления Советов в течение весны 1941 года не оставили Гитлеру сомнения в отношении амбиций СССР. Чем больше бы он промедлил, тем более неспособен был бы принять удар. С целью концентрации своих сил на востоке он временно отказался от своего плана вторжения в Англию. Он попытался различными средствами найти мирное урегулирование конфликта, разделявшего Германию и Соединенное Королевство. Это было слишком поздно. Англичане не были расположены отменять матч: он начался и больше не остановится.

В течение двух лет каждая страна с холодным спокойствием просчитала все, сделала свои подсчеты по тысячелетнему закату национального эгоизма и выгоды.

В конце все пришли точно к одним и тем же заключениям. Русские, ловко подталкиваемые англичанами и стимулируемые новыми приманками, рано или поздно нападут. Немцам, чувствовавшим, что игра началась, ничего не оставалось, как опередить. 22 июня 1941 года началась смертельная битва между национал-социалистическим рейхом и Советской Россией: два империализма, две религии, два мира покатались по земле в скрипучих песках Востока.

* * *

Англия, изолированная от Европы морем, имея свои главные богатства разбросанными по дальним землям, могла точно не чувствовать важности дуэли. Она реагировала, думая больше о своем сиюминутном, непосредственном интересе – освобождении Острова, чем о судьбе Европы, если Советы будут однажды победителями.

Зато для нас, народов Европейского континента, эта битва была решающей.

Если побеждает национал-социализм, Германия, то она будет владеть на Востоке сказочно богатыми землями, примыкающими прямо к ней, прямо связанными с ней железными дорогами, реками, каналами, открытыми ее организаторскому и производственному гению. Великий германский рейх в полном возрождении, имеющий замечательную социальную арматуру, обогащенный этими сказочными землями, простирающимися огромным блоком от Северного и Черного моря и до Волги, достигнет такой мощи, будет иметь такую притягательную силу, предоставит двадцати народам, забывшим Старый Свет, такие возможности расцвета и развития, что эти территории составят стартовую базу для неизбежной европейской федерации, о которой говорил Наполеон, о которой думал Ренан и которую воспевал Виктор Гюго.

Если бы, напротив, победили Советы, кто бы в Европе смог им сопротивляться, как только огромный германский бастион был бы разрушен? Обескровленная Польша? Прогнившие, хаотичные, оккупированные, прирученные, забитые Балканы? Обезлюдившая Франция, не имеющая никакого оппозиционного слова перед лицом двухсот миллионов азиатов и большевистской идеологии, раздутой победой? Греция, Италия – очаровательные болтуны, со своими бедными народами, застывшими на солнце, как ящерицы? Мозаика маленьких европейских наций, выживших в тысячелетней гражданской войне, неспособных купить по сто танков каждая? Если Советы побеждают рейх, тогда Сталин ляжет на тело Европы, неспособной к сопротивлению и готовой для насилия.

Конечно, потом попытаются спасти эту на три четверти советизированную Европу. Вчерашние союзники испугаются, поскольку СССР не удовлетворится этой близкой добычей, потому что его жадные руки сразу после окончания Второй мировой войны потянутся к Тихому океану, к Китаю, к Персидскому заливу, к Средиземному морю, к Суэцкому каналу, разоряя колонии, сырьевые ресурсы, крупные международные тресты.

Но англо-американцы не будут больше стараться спасти Европу для Европы: просто они постараются сохранить на Западе трамплин, позволяющий им уберечь их империализм и реагировать на империализм советский, даже, если надо будет, однажды превратив этот трамплин в огромное поле развалин атомными ударами.

Мы, сыны Европы, думали о жизни Европы.

Какой бы ни была наша оценка способа, которым война была развязана, какое бы мы ни чувствовали сожаление о прошлом, какой бы ни была горькой иностранная оккупация наших родных стран, каждый из нас понял что-то намного более важное, чем удовлетворение или неприятности, которые ощутили с 1939 по 1941 разные европейские страны, ибо на карту была поставлена судьба всей Европы.

Этим объясняется необычный подъем бесчисленного множества молодых людей от Осло до Севильи, от Антверпена до Будапешта.

Тех, кто покинул свои родные семейные очаги в Ютландии или Босе, в Арденнах или в Пуште, в Лимбурге или Андалузии не для того, чтобы служить частным интересам Германии. Они отправились на войну, чтобы защитить две тысячи лет самой высокоразвитой цивилизации. Они думали о Баптистерии Флоренции и о соборе в Реймсе, об Алькасаре в Толедо и о колокольне в Брюгге. Они погибли там без счета не за служебные посты в Берлине, но за свои

древние страны, позолоченные веками, и за общую родину, Европу – Европу Вергилия и Ронсара, Европу Эразма и Ницше, Рафаэля и Дюрера, Европу святого Игнатия и святой Терезы, Европу Великого Фридриха и Наполеона Бонапарта.

Между этой тысячелетней Европой и ужасной советской лавиной уравниловки и кишащего потока ее народностей их выбор был сделан. Вся молодежь поднялась по всем четырем сторонам света. Гиганты-блондины скандинавы и прибалты, мечтательные венгры с длинными усами, коренастые и чернявые румыны, испанцы со смоляными глазами, зубоскалы-французы, датчане, голландцы, швейцарцы, англичане, канадцы, австралийцы, южноафриканцы и новозеландцы, в целом около пятидесяти, все-таки пятидесяти народов.

Тысячи бельгийцев собрались по языковому принципу внутри Фламандского легиона и Валлонского легиона. Они составили сначала два батальона, затем в 1943 году две бригады, потом в 1944-м – две дивизии: дивизию «Валлония» и дивизию «Фландрия».

Я же в течение сорока шести месяцев был одним из этих добровольцев Европы и познал со своими товарищами самую грандиозную и ужасную эпопею, я продвигался пешком в течение двух лет до порога Азии, потом бесконечно отходил от Кавказа до Норвегии, прошел от опьянения наступлений 1941 и 1942 годов до горькой славы поражения и изгнания, в то время как по половине обескровленной Европы распространялась желтая волна победителей-Советов.

Завоеванная Украина

В октябре 1941 года нужно было две-три недели, чтобы покрыть путь от границы рейха до русского фронта.

Мы проезжали Лемберг, где трамваи развевали по ветру маленькие украинские флажки, желтые и голубые. Едва мы проникли в деревни на юго-западе, мы сами могли судить о разрушениях, причиненных Советам: сотни бронемашин в кюветах вдоль дороги, каждый перекресток был кладбищем железа.

Зрелище длилось полчаса, затем следы боев исчезли. Мы прибыли в сердце Украины, Украины нетронутой, где в бескрайних покрытых грязью равнинах вставали сотни гигантских стогов, огромных, как дирижабли.

В мирных деревнях роились избы, белые или бледно-голубые хаты с толстыми, густыми соломенными крышами. Каждая избушка отделялась от другой рощицей молодых вишен, отливавших медью.

Стены были соломенные, глинобитные. Но местные мастера любовно вырезали из дерева простенькие скульптуры – птичек, цветы, стрелы, гирлянды, которые окаймляли маленькие окна. Это обработанное дерево было разрисовано, как и ставни, яркими цветами. Окна были двойными, герметично закрытыми, разделенными широкой, с ладонь, доской, на которой в вате лежали стеклянные игрушки, апельсины или помидоры из раскрашенного цемента.

Полные девки с плоскими скулами сутились перед маленькими фермами. Их светлые волосы были завязаны в синие или красные платки. Они были одеты в мольтоновые, плюшевые куртки, придававшие им вид лапландских скафандров. Обутые как казаки, они весело шлепали по грязи среди визжащих поросят.

Часами поезд стоял среди полей или перед затерявшимися домами. Мы покупали кур, которых варили в кипятке паровоза. Украинские мальчики с гордостью показывали нам свои домашние задания по немецкому языку. В тех же тетрадях мы читали на первых, а затем на последних страницах проверенную и исправленную осторожным учителем формулу. Детвору это, казалось, не смущало.

Некоторые встречи давали нам представление о том, чем были победы сентября – октября 1941 года: это были поезда, перевозившие в рейх фантастические орды пленных.

На каждой остановке мы бежали посмотреть на вагоны. В изумлении смотрели мы на этих мохнатых, желтоватых гигантов с маленькими сверкающими кошачьими глазками. Многие были азиаты. Они ехали стоя, по восемьдесят, даже по сто человек в каждом вагоне.

Однажды ночью нас разбудили ужасные крики. Мы стояли на вокзале. Мы спустились и открыли двери вагона с пленными: азиаты, прожорливые, как мурены, дрались, вырывая друг у друга куски мяса. Этими кусками мяса было человеческое мясо! Вагон дрался из-за мертвого монгола, рассеченного осколками консервных банок. Некоторые пленные почувствовали себя обделенными – отсюда эта свара. Обглоданные кости были выброшены наружу через решетки. Они были разбросаны, окровавленные, вдоль вагона на глинистой земле.

Мы узнали потом, что сотни тысяч людей, которых так набивали в вагоны, иногда стояли по три недели и кормились, когда была пища вблизи путей. Многие из этих азиатов, пригнанные из их диких степей, предпочитали жевать ребро какого-нибудь калмыка или татарина, чем подвергаться риску умереть с голоду. На одном вокзале я видел, как много людей рыли землю. Они вырывали красных земляных червей длиной с ладонь. Они их глотали, как яйцо. Кадыки этих червеедов двигались с явным удовольствием.

* * *

Однажды утром мы прибыли к реке Буг. Большой железный мост в долине был разрушен. Мы развязали наше имущество и расположились в городе Первомайске.

Нам снова удалось послушать сводку. Наше наступление было не таким блестящим, как нам говорили простаки с железной дороги. Напротив, немецкое наступление замедлялось, Москва не была взята, Ленинград тоже; со стороны Ростова положение было также неясным. Оптимизм был еще велик, но уже была заметна некоторая сдержанность. Немцы под Первомайском мягко намекали на трудности дивизий, брошенных за тысячу километров от границ рейха.

Мы смотрели на грязь под ногами и думали об этом море грязной земли, отделявшем наши бывшие армейские базы от передовой. От Первомайска шла дорога к Днепру. Грузовики по оси погряжали там в грязи. Грязь была черной, густой, как битум. Самые мощные моторы останавливались, бессильные преодолеть ее.

Железнодорожные пути тоже были не для использования. Видимо, с царских времен к ним не прикасались; поезда передвигались с черепашьей скоростью; рельсы поднимались и опускались, как качели. Передвижение, перевозки были слабыми, хотя расширение путей было сделано с необыкновенной расторопностью.

Окончательно все губила необходимость перегрузок и пересадок личного состава. Когда мы достигли Буга, надо было пешком спускаться до самой глубины долины и подниматься по ее склонам грязной обходной дорогой на много километров. Этот путь был настоящей рекой: мы шли по колено в воде. И вот в таких условиях через разрушенные мосты надо было перевозить подкрепления для армии группы «Юг».

Немецкие армии были брошены на восток как в открытую могилу. Однако эта смелая операция определенно удалась бы, если бы война закончилась в очень короткий промежуток времени. Победоносные войска как-нибудь разобрались бы с проблемами на месте. Инженерные войска на свежую голову организовали бы сообщение с тылом, укрепили бы, обустроили дороги, навели мосты за несколько месяцев; это не было бы драмой.

К несчастью для рейха, война не закончилась в сроки, намеченные командованием. Дивизии еще пытались идти вперед, но осенний потоп полностью захватил степь. Обмундирование, снаряжение, горючее, необходимые подкрепления неделями тащились по России, расчлененной осенней распутицей.

Армия, которая сражается в бездне. И к тому же приближалась зима. В 1812 году точно в такое же время Наполеон с болью в душе вынужден был решиться оставить Москву.

Но армии рейха останутся в России. Однако речь в данном случае шла не об одной стреле прорыва, не об отдельном наступательном клине, но о целом фронте в три тысячи километров, простиравшемся от Белого до Черного моря!

Когда мы видели пустые вокзалы, разрушенные мосты, грузовики, утопавшие в грязи, мы не могли отогнать наши мысли о сотнях тысяч людей, брошенных вглубь России, которые должны были попытаться сделать то, что Наполеон не осмелился предпринять: продержаться, несмотря ни на что, среди голой степи, имея впереди себя врага, а сзади пустыню со снегом, что валил с небес, и с морозом, что разъедал тело и дух.

И тем не менее у нас была такая вера в непогрешимость и мудрость верховного немецкого командования, что мы не предавались излишним сомнениям и размышлениям. Война еще могла закончиться здесь до наступления больших холодов. Если нет, то все (видимо) было предусмотрено, определено, как и всегда.

Мы перегрузились в другой эшелон после того, как пересекли залитую долину Буга. Днем местность была спокойной, но ночью по поездам стреляли. Утром вдоль путей мы замечали

трупы советских солдат. Они пытались организовать одиночное, неорганизованное сопротивление. Это были отдельные выпады. Их выгнутые дугой тела лежали в длинных фиолетовых шинелях.

Начало сильно морозить. Утром на стоянках эшелона нам надо было разбивать лед в ямах, чтобы умыться. Мы были набиты по сорок человек в вагон вот уже семнадцать дней. Второго февраля очень рано мы преодолели большие противотанковые рвы, пересекавшие русские холмы.

Поезд шел под уклон. Мы ехали вдоль бесконечных обгорелых стен заводов. Затем перед нашими глазами внезапно возникла великолепная, чудесная голубая лента сверкающей бирюзы, омытая солнцем. Это был Днепр, шириной более километра.

Днепропетровск

Между Галичиной и Днестром мы почти не воевали. Как только мы достигли предместий Лемберга, бои по окружению группировки врага при Балте решили судьбу великолепной украинской равнины, усеянной кукурузой и пшеницей, большими бело-голубыми деревьями, украшенной тысячами вишневых садов. Бронетанковые войска рейха без препятствий продвинулись до Днепропетровска.

Бои на подступах к городу были жестокими. На кладбище возле вокзала осталось шесть сотен немецких могил. Горели целые улицы, но город еще держался. Проспект Карла Маркса, сразу переименованный в авеню Адольфа Гитлера, бесконечно простирался вдаль, как Елисейские поля.

Теперь война уже пересекла реку. Последнее явление этой войны при вступлении частей в жилые кварталы было скорее живописным, чем устрашающим: длинные вереницы пьяниц лежали, мертвецки одурманенные алкоголем, вдоль желобов и канавок, по которым из резервуаров, взорванных отступавшими большевиками, потоками стекало сто тысяч литров водки. Пьянчуги лакали алкоголь прямо из грязи, затем, тая от блаженства, пузом кверху ждали вступления в город победителей.

Сталинский режим организовал в городе большой строительный бум. Сначала мы были очень поражены, приближаясь к пригородам, когда увидели огромные кирпичные пролетарские здания, воздвигнутые Советами. У них были современные контуры. Строения были огромны и многочисленны. Бесспорно, коммунисты что-то сделали для народа. И если нищета крестьян была огромной, то, по меньшей мере, пролетарий, казалось, воспользовался новым временем.

Но надо было еще увидеть и осмотреть эти здания. Шесть месяцев мы жили в угольном бассейне Донецка. У нас было вполне достаточно времени, чтобы проверить наши предположения при вступлении в Днепропетровск. Эти конструкции, эти строения, такие впечатляющие издали, были всего лишь гигантским обманом, фальшивкой, предназначенной для того, чтобы мистифицировать интуристов и зрителей киноновостей.

Как только мы приближались к этим блокам зданий, мы чувствовали отвращение от вялого запаха грязи и испражнений, исходящего из болотистого окружения каждого из этих зданий. Вокруг них не было ни плит, ни камней, ни щебенки. Русская грязь царила там, как и повсюду. Отвод дождевых вод производился прямо через почву. Обветшалые трубы свешивались с водостоков и сбрасывали дождевую воду прямо на землю, в сторону. Стены были облупленными и потрескавшимися по всем направлениям. Использованные материалы по качеству были из самых худших. Балконы везде тоже потрескались. Цементные лестницы были выщерблены и изношены. Тем не менее этим зданиям было всего лишь несколько лет.

На каждом этаже было несколько квартир, выбеленных известкой, с маленькой коммунальной кухонькой на несколько семей. Электрические провода свисали гирляндами. Стены были глинобитными, и невозможно было вбить гвоздь, так как они рассыпались.

Как правило, водоснабжение не работало. Пролетарской популяции не удавалось установить санузлы, она справляла свои естественные надобности прямо вокруг зданий, что превращало округу в огромную выгребную яму. Холода способствовали отвердеванию этих «хранилищ», которые при каждой оттепели оттаивали, распространяя вонь. В конечном счете эти квартиры оказывались более некомфортабельными, чем жалкие избы, где на самой богатой и плодородной земле в Европе миллионы русских крестьян существовали посреди мрачной нищеты, одетые в лохмотья, обноски, поедая пищу из общих мисок ложками, вырезанными прямо из кусков дерева.

Семьдесят пять процентов наших солдат были ремесленниками. Многие из них были когда-то восприимчивы к советской пропаганде. Теперь они открывали рот от изумления при виде того, в каком состоянии разрухи и протрации находился русский пролетариат. Они качали головами, еще раз глядя на зрелище, прежде чем ему поверить.

Вообще, Гитлер предпринял опасный опыт. Сотни тысяч немецких рабочих, мобилизованных и посланных на Восточный фронт, могли бы найти неутешительное для себя сравнение, если бы Советы действительно сделали что-нибудь значительное для рабочего класса.

Каждый немец, наоборот, думал об удобных рабочих домах рейха, об их комфорте, о семейном садике, о народных клиниках и родильных домах, о досуге, оплачиваемых отпусках, о замечательных круизах по Скандинавии или Средиземноморью. Он вспоминал о своей жене, о своих детях, радостных, здоровых, хорошо одетых; видя русский народ в обносках, смотря на несчастные избы, на мрачные и ненадежные рабочие квартиры, он делал абсолютно четкие выводы. Никогда еще рабочая масса не совершала подобного учебного путешествия.

Четыре года спустя сравнение происходило в обратном направлении: наворовав ручных часов, драгоценностей, одежды во всей Восточной Европе, советский солдат с ворчанием возвратится в СССР, пораженный комфортом некоммунистических стран и с отвращением к своей деревянной ложке, изношенному платью и мерзким экскрементам вокруг домов-казарм.

Через три дня мы получили новый приказ выступать: за последние ночные часы нам надо было перебраться на левый берег Днепра и занять боевую позицию.

В шесть часов вечера наш легион собрался на выступе над рекой. Шум воды доходил до нас. Я вышел из строя, чтобы еще раз напомнить моим товарищам об их долге европейцев, патриотов и революционеров. Странное волнение охватывало нас. Кто из нас преодолет реку?

В полночь наши колонны построились. Форсирование Днепра осуществлялось односторонним движением по длинному деревянному мосту в километр триста метров. Он много раз был разбит ударами советской артиллерии и авиации. Мощная зенитная батарея Д.С.А. защищала этот узкий проход, единственную связь с Южным фронтом. Темная масса воды расцветивалась сотнями огромных льдин, похожих на сказочные лотосы. Остовы затонувших лодок высовывались из воды.

Мы ускоряли шаг. Мы молчали, взволнованные от предстоящей встречи с войной.

Фронт в грязи

Тот, кто не уяснил для себя важность грязи в русской проблеме, не может ничего понять в том, что произошло за четыре года на Восточно-Европейском фронте. Русская грязь – не только богатство, где степь оживает, она также является защитой территории, защитой даже более эффективной, чем снег и мороз.

Холод еще возможно победить, преодолеть, двигаясь при сорока градусах ниже нуля. Русская грязь же уверена в своем превосходстве. Ничто не способно ее победить – ни человек, ни машина. Она царит в степи в течение многих месяцев. Ей принадлежат весна и осень. И даже в течение нескольких месяцев лета, когда огненное солнце испепеляет потрескавшиеся поля, каждые три недели гремят ураганные грозы. Эта грязь крайне липкая, так как почва пропитана маслянистыми элементами. Вся земля пропитана мазутом. Вода не вытекает, не утекает, она застаивается. Земля липнет к ногам, липнет к упряжи.

Уже высаживаясь у реки Буг, в октябре месяце, мы были поражены картиной грузовиков, погрязших в этой черноватой каше. Но только когда мы сами вошли в это украинское болото, мы по-настоящему поняли ситуацию.

От Днепропетровска поезда не ходили, мосты и пути были взорваны и отрезаны.

В октябре 1941 года германские войска, как при попутном ветре, устремлялись вглубь Донецкого бассейна, оставляя за собой огромную территорию: с началом дождей она превращалась в мертвую зону, практически непреодолимую. Части, выпущенные как стрелы, в течение недель должны были сражаться отрезанными этой лужей в триста километров длиной.

Сталин избежал катастрофы с разрывом всего около двух недель. Еще бы две недели солнца, и весь гужевой транспорт победителей мог бы проскочить. Сталин, оказавшись на краю гибели, был спасен этой независимой грязью, которая добила того, чего не смогли добиться ни его войска, ни его техника.

Гитлер раздавил миллионы советских солдат, уничтожил их авиацию, их артиллерию и танки, но он ничего не смог сделать против этих хлябей, что падали сверху, против этой гигантской маслянистой губки, в которой вязли ступни его солдат, колеса его бензозаправщиков, гусеницы его танков. Самая грандиозная и стремительная победа всех времен была остановлена в конечной стадии грязью, не чем иным, как грязью, элементарной грязью, старой как мир, бесстрастной, более мощной, чем всякие стратегии, чем золото, чем мозг, чем людская гордость.

Наш легион прибыл на Украину как раз чтобы бороться или, точнее, отбиваться от этого врага. Бесславная, изматывающая борьба. Борьба, которая отягощала и внушала отвращение, но борьба, вернувшая смелость тысячам советских солдат, разбросанных по всем направлениям немецкими танками, обогнавшими их двумя-тремя неделями раньше.

Они, как и французы в июне 1940 года, сначала подумали, что все кончено. Все указывало на это. Они спрятались, потому что боялись. Пошли дожди. С опушек тополиных рощ, с соломенных крыш изб, где они прятались, они заметили, что эти великолепные войска рейха, которые произвели на них такое сильное впечатление, больше не неуязвимы: их грузовики побеждены, их танки побеждены. Они слышали, как беспомощные шоферы ругались возле своих машин. Страстно увлеченная наступлением мотопехота плакала от ярости, будучи не в состоянии вытащить из грязи свои машины. Мало-помалу советские беглецы вновь почувствовали уверенность.

Так родилось сопротивление, от остановки, которую предоставила грязь и картины уязвимости сил рейха, неотразимых несколькими неделями до этого, когда их фантастические бронированные колонны сверкали на солнце.

Грязь была оружием. Снег был другим оружием. Сталин мог рассчитывать на этих бескорыстных союзников. Ничего решающего, ничего значительного не произойдет в течение шести месяцев. Полгода передышки, когда противник уже прижат к земле. Ему будет достаточно до мая 1942 года держать войска рейха, которые, измотанные стихией, только и хотели, что спокойно перезимовать. За спиной немецких дивизий уже организовались партизаны, досаждая им, как болотные комары, быстро налетая и быстро отлетая сразу после укуса.

Мы мечтали об очаровании боя. Нам же пришлось узнать настоящую войну, войну усталости, изнеможения, войну этих трясин, в которые плюхается тело, войну зловонных трещин, бесконечных маршей, ночей и воющего ветра.

Мы прибыли на фронт, когда летнее наступление закончилось, тогда как армии Гитлера отбивались в чудовищных болотах, когда партизаны возникали из-за каждого куста орешника и повсюду устраивали засады.

Вот против них нас и направили по прибытии в Днепропетровск. Теоретически фронт находился в двухстах километрах от Днепра. На самом деле он был в пятидесяти метрах пути. Прямо в нескольких лье от Днепра тысячи партизан обосновались в ельнике по обоим берегам речки Самары. Ночью взлетали соседние мосты, исчезали солдаты, когда передвигались в одиночку, таинственно вспыхивали пожары. Вечером нашего прибытия в большой рабочий поселок Новомосковск был подожжен гараж, где находились от четырех до десяти грузовых машин вермахта. Вся окрестность озарилась заревом.

Этих скрытных налетчиков надо было загнать в тупик и уничтожить. Наш легион получил приказ выдвинуться на запад, юго-запад и юг от того леса, логова врага.

* * *

Пересечение полосы грязи, отделявшей нас от этих лесов, стало дьявольским испытанием; каждый метр трясины был препятствием, требовавшим усилия и страдания.

Вся местность была погружена в густую тень, полную воды. Ни одного огонька какой-нибудь фермы. Мы сваливались в овраги, роняя оружие, и его нужно было искать на ощупь. Вода доходила нам выше колен. Провалы были такими опасными, что мы должны были связаться по трое, чтобы вовремя удержать того, кто вдруг провалится в яму.

Нам потребовалось около двадцати часов, чтобы преодолеть эти сатанинские километры. Мы поднимались после падения, мокрые с головы до ног. Все наше имущество пропало в воде. Наконец мы рухнули на пол в каких-то пустых избушках. Мы разожгли огонь из соломы и досок, нам пришлось снять всю нашу одежду. Все мы были скользкими, липкими от гнилой грязи, что покрывала все наше тело. Наши тела были сырыми, как у тюленей. Мы долго обтирались сеном, и в ужасной вони, голые, как адамиты, мы ожидали рассвета среди едких волн кострового дыма.

* * *

Вот так сотни тысяч солдат-земноводных пытались воевать на этом вязком фронте в три тысячи километров. Надо было противостоять врагу спереди, сзади, по флангам, напрягая дух и с обессиленным телом.

Эта грязь отравляла души. Наименее сильные падали, отравленные. Мы были только в прелюдии всего этого, когда один из наших товарищей упал навзничь в болотах с простреленной головой. Истратив все свое мужество, он выстрелил себе в рот.

Видимо, земля тоже имеет свое оружие. Старая русская земля, вытапываемая иноземцем, применяла свое вечное оружие; она защищалась, она мстила. Она мстила уже в ту дожд-

ливую осень 1941 года, когда мы смотрели на эту лужу сиреновой крови в черной грязи, гладкой и непроницаемой.

Деревня

Деревню Карабиновскую, где мы провели три месяца, сдерживая партизан, как и все русские деревни, пересекала бесконечная дорога шириной в пятьдесят метров, по обеим сторонам которой стояли избы, изгороди из досок и вишневые сады.

Эти соломенные хижины, пригнутые толстой крышей из тростника, были почти одинаковыми, за исключением цвета извести. Мы входили в темные маленькие сени и прямо в общую комнату. Вялая духота встречала нас запахом грязи, помидоров, человеческого дыхания, испарений и мочи молодых домашних животных, лежавших вповалку с людьми.

Во время зимы русские не покидали скамеек и хромых табуреток изб. Родители выходили только для того, чтобы ухаживать за скотом на другом конце дома: поросенком, коровой или бычком. Они возвращались с охапкой кукурузных стволов и подсолнуха, чтобы подбросить в печку.

Эта печка была на все случаи жизни: кухня, центральное отопление и кровать для целой семьи. Это был внушительный куб из кирпича и глины, побеленный известью. Он занимал треть или половину комнаты и поднимался двумя колоннами до полуметра от потолка. В эту печку два или три раза в день засовывали охапку тростника или немного сухих поленьев. Вечером семья в полном составе забиралась на полати печи. Отец, мать, дети вперемешку, свернувшись калачиками, спали прямо на теплой глине, покрытые тряпками и красными перинами, из-под которых торчала шеренга плоских и почернелых ног.

Похожие на фигурки в верхней части шарманки, ребяташки проводили на этой печи шесть или семь месяцев. Вся их одежда состояла из рубашонки, закрывавшей половину тела. Они были грязные и крикливые, с сопливыми носами. В России детская смертность была огромной, безжалостный отбор происходил в самом начале жизни.

* * *

Целый угол избы был занят иконами. Некоторые из них, особенно красивые, относились к XV—XVI векам. Задний фон этих миниатюр был восхитителен: зеленые и белые замки, грациозно ступающая живность. Чаще всего они представляли святого Георгия, убивающего змия, или святого Николая, добродушного и с бородой, или Деву Марию с опаленным цветом лица, с глазами-миндалинами, с маленьким Иисусом на руках.

Эти иконы красовались среди зеленых или розовых бумажных гирлянд. Раз двадцать в день крестьяне крестились, проходя перед ними. Иногда у них можно было видеть старенький обтрепанный молитвенник, из которого вечером они вдохновенно читали при дрожащем свете масляной лампы.

Эти люди никогда не спорили между собой, смотрели вдаль мечтательными голубыми или темно-зелеными глазами.

Изба была заполнена домашними растениями и цветами. Их широкие маслянистые листья поднимались на два метра в высоту, почти до потолка. Они придавали этим бедным лачугам вид джунглей.

К избе примыкал загон для скота.

Богатые крестьяне, кулаки, давно уже миллионами отправились в Сибирь, чтобы учиться там презирать земные блага. Те, кому удалось избежать выселения, довольствовались одной буренкой, одним или двумя поросятами, дюжиной кур и несколькими голубями.

Это было все их добро, которое они ревниво оберегали. Поэтому телята и поросята были перенесены в тепло, в единственную комнату семьи сразу же с наступлением холодов.

Колхоз, где каждый строго следовал и служил режиму, имел почти целиком всю посевную площадь пшеницы, кукурузы и масличных культур региона. Но благодаря такому тотальному обиранию крестьян Сталин мог делать бронированную технику и пушки, готовить мировую революцию. Крестьянину же ничего не оставалось, как, печально проглотив вечером сковородку картошки с луком, молиться перед своими иконами, с чистыми глазами и пустой волей.

Осень заканчивалась. Воздух потерял свою мягкость и влажность, вечера становились сухими. За несколько дней грязь затвердела, затем пошел снег. Это было началом большой русской зимы. Деревца поблескивали тысячами сверкающих соломинок. Небо окрашивалось в голубой цвет, а также в белый и золотого отлива. Солнце было еще мягким над ивами, окаймлявшими озера.

К этим ивам однажды утром спустилось все население деревни. Эти большие пруды были усеяны множеством стеблей камыша, похожего на частокол копий высотой в три метра, с коричневыми и розовыми кисточками наверху. Мороз уже схватил эти серые палки-стебли. Крестьяне попробовали прочность темного льда, припорошенного снегом. Он был прочным. Все пошли за серпами и косами.

Это была странная жатва. Под холодным ноябрьским солнцем деревня скашивала высокий тростник, который покрывает белесые избы.

Урожай падал живописными снопами. Тысячи маленьких толстеньких воробьев прыгали и чирикали по берегу. В три дня пруды были скошены. Тогда деревня вернулась домой и закрыла свои двери на зиму. Иногда пули вонзались в глинобитные стены и ломали ветки вишен.

II

Зима в Донбассе

Советские войска составляли особый род военных частей. Они были нигде. И они были повсюду. Засев в кустарнике, в стоге сена, у слухового окна какой-нибудь избы, их наблюдатели тихо следили в течение дня за каждым шагом противника. Они вычисляли сараи и технику, места проездов и переходов рек, ход саперных и инженерных работ.

Следующей ночью какой-то мост был заминирован и взорван, сгорели какие-то грузовики. Очереди, залпы вылетали с откосов. Мы устремлялись туда, но было слишком поздно. Мы находили на месте только старую меховую шапку или следы валяных сапог, ничего больше. Лес бесшумно укрывал убежавших.

Мы должны были одной ротой прикрывать многие километры большака Днепропетровск – Сталино; следить за целым километром опушки леса, отделенной от деревни двумя километрами холмистой местности, где качались несколько букетов кустарника.

Наши посты находились в трехстах метрах за избами. Мы выставляли там часовых, у которых белели носы и мерзли руки. Холод становился злющим, а у нас не было никакого зимнего обмундирования.

Но и оставаться в дозоре в этих условиях было недостаточно. Русские по-кошачьи просачивались ночью между наших постов. Как только они их проходили, то спокойно могли выполнять свои партизанские задачи. Поэтому половина нашего личного состава должна была непрерывно патрулировать открытые места, выгоны от деревни до леса.

Мы падали в снежные дыры, провалы. Мы стучали зубами, съедаемые, издерганные этими бесконечными часами игры в кошки-мышки. Мы возвращались промерзшими до костей, наше обледелое оружие долго испускало пар у огня из палок подсолнухов.

Изо дня в день наше кольцо вокруг соснового леса сжималось все больше. Раза два мы совершили глубокие рейды в лес. Снег скрипел под ногами. Мы обнаруживали повсюду следы валяных сапог. Но ни одна ветка не шевелилась, ни одна пуля не просвистела над головой. Партизанская война была войной ударов исподтишка, она избегала регулярных прямых столкновений.

На нашем правом фланге германские войска также теснили врага. По вечерам в сухом воздухе под сверкающими звездами на золотом фоне выделялись черные стропила и перекладины горящих изб. Красные попытались прорваться в нашем направлении. Они выступили ночью, около одиннадцати часов. Лежа в снегу, мы расстреляли все боеприпасы наших автоматических винтовок. Трассирующие пули устремлялись вдаль, похожие на букеты цветов. В течение часа степь перечеркивали эти горящие стрелы. Чувствуя, что заслон крепкий, русские вернулись в свои потайные логова. На северо-западной опушке леса, на правом берегу Самары, красные построили солидные доты. Речка была скована льдом.

Наши люди получили приказ взять приступом вражеские позиции. Едва они оказались вблизи реки, как их встретил яростный шквал огня. Рота должна была в этих условиях атаковать стремительно, чтобы пересечь открытую местность в двадцать пять метров гладкого льда. В этот день у нас были тяжелые потери, но бункеры были взяты, русские вбиты в снег или обращены в бегство.

Русская земля приняла наших павших. Сколько еще других погибнут в мороз, в грязи или под золотым солнцем в Донбассе и на Дону, на Кавказе и в Эстонии... Но эти первые розовые пятна, рассыпанные, как лепестки, на снегу Самары, были исполнены незабываемой чистоты первых жертв, первых цветов и первых слез...

Мы должны были оставить эти могилы. Нам нужно было выдвигаться на крайний участок фронта для соединения с дивизией, врезавшейся в глубину Донецкого угольного бассейна. В конце ноября без перчаток, без шерстяных шлемов, без каких-либо меховых вещей, в тонкой военной униформе, продуваемой холодным ветром, мы начали продвижение на двести километров.

Ледяные дороги

Мороз в течение осени 1941 года совершенно преобразил дороги Донбасса. Река грязи стала рекой ухабистой лавы. Хлябь затвердела, а сотни грузовиков продолжали ее кромсать и толочь. Она смешалась в переплетение каменнообразных гребней высотой в полметра. Эти блестящие колеи цвета черного мрамора по пятьдесят или сто метров шириной раскрывались и выгибались, нарезанные длинными полосами.

Бессмысленным было желание бросить между этими канавами обычные автомашины. Бензобаки машин с первых километров были пробиты. Только тяжелые машины и вездеходы, исключительно высокие на своих лапах, могли отважиться двинуться на этот гололед и колесить между ухабов и ям.

Передвижение пешком было настоящей бедой. Мы едва осмеливались поднимать ступни, мы их только толкали. Падения были болезненными, потому что этот лед был тверд как железо.

Мы должны были держать оружие наготове для боя при малейшем сигнале тревоги. Снаряжение одного солдата-автоматчика весило тогда более тридцати килограммов, не говоря о трехдневном походном пайке и всей обычной амуниции. Напряжение жгло нам сухожилия. Мы вынуждены были ножами порезать задники наших загрубелых башмаков, чтобы придать им немного эластичности. Каждый стискивал зубы, чтобы переносить страдание. Иногда от напряжения сдавали нервы, и человек падал. Он хрипел, уткнувшись лицом в лед. Мы поднимали его в первый проходящий грузовик на кучу буханок хлеба или ящики с обмундированием. Затем колонна продолжала свое продвижение по черному гололеду.

И тем не менее местность была приятной на вид. Широкая степь была утыкана сотнями тысяч серых стволов подсолнухов. Облачка воробьев летали, резвились шерстяными комочками. Небо особенно было прекрасным: бледно-голубое, кристальной чистоты и такой прозрачности, что каждое дерево на горизонте являло взору каждую оголенную ветку с античной чистотой.

Крестьяне иногда показывали нам какую-нибудь платановую аллею или ряд старых берез – последние следы помещичьих усадеб. Но от строений былых времен не осталось ни доски, ни камня, ни даже следов фундамента. Все было снесено, выровнено, отдано на волю растительности.

Так же было и с большинством церквей. В нескольких оставшихся из них, давно загаженных, были устроены амбары, склады, клубы, конюшни или электростанции. Красивый зеленый или золотой купол всегда блестел над белыми стенами. Иногда мы обнаруживали обломки деревянных алтарей или роспись, которую не смогли достать под сводами маляры или штукатуры. В остальном же – навоз и кукурузный силос, которыми был усеян паркет.

Эти церкви-конюшни, эти церкви для техники, подсолнуха или советских собраний были, впрочем, крайне редки. За два года мы пешком преодолели более двух тысяч километров от Днепропетровска до границ Азии: мы могли по пальцам пересчитать церкви, встреченные нами по дороге, все оскверненные до неузнаваемости.

В начале декабря мы пересекли Павлоград, затем задержались на пустых хуторах. Кружила метель. Мы отправились в дорогу в четыре или пять часов утра. Снежные вихри выли вокруг наших голов, стегали и ослепляли нас. Мы тратили целые часы, чтобы дотащить до дороги наши тяжелые железные повозки, нагруженные снаряжением. Лошади падали на гололеде, ломая себе ноги. Несчастные животные безуспешно храпели в свистящей пурге, они фыркали, поднимались в полроста и снова, обезумев, падали на снег.

Снег шел так плотно, что дороги и степь полностью смешивались. Еще не воткнули вдоль дороги высокие колышки, которыми русские, знающие свой крест, метят свои дороги, когда зима нивелирует, смешивает в одну пустыню эти бескрайние просторы.

Стрелки, указывавшие направления, были покрыты шапками снега. Наши части плутали, заблудившись.

Вершиной несчастий было то, что населенные пункты или другие места, которые мы искали, обычно два или три раза за последние двадцать пять лет меняли названия: старые карты указывали названия царских времен; карты 1925 года – темно-красные названия революционного времени; карты 1935 года – имя какого-нибудь советского царька, по примеру Сталинграда и Сталино. Иногда, впрочем, оказывалось, что упомянутый царек получил тем временем пулю в затылок в застенках НКВД – отсюда новое, четвертое крещение! Зато пятьдесят, сто степных деревень сохранили одно и то же имя, это были имена жен или дочерей царей, употребленные из лени и оставленные из лени.

Во время перехода до Гришино мы целый день кружили в метели и дошли до этого населенного пункта, сделав крюк в пятьдесят три километра, и все равно это Гришино было не наше Гришино.

Не только поселение получило три различных названия за двадцать пять лет, но и вдобавок оказалось два Гришино: Гришино-вокзал и Гришино-село, между которыми было семь километров! Все типично славянские усложнения! Только утром мы прибыли в нужное нам Гришино, утопая в снегу выше колен.

Мы пришли первыми. Надо было сорок восемь часов (двое суток) ждать, когда придут другие роты, кроме одной, так и оставшейся блуждать, скитаясь две недели, заморив до смерти всех своих лошадей и догнав нас уже на самой линии фронта на Рождество, эскортируя древнюю, как у Меровингов, колонну из здоровых белых волов, запряженных в свои грузовики.

К несчастью, одиссея не всегда ограничивалась сменой экипажей. Эта местность, где мы были игрушками для снежных бурь, была напичкана советскими минами. Их накрыл снег, так что колышки, поставленные там и сям первыми отрядами немецких саперов, были под снегом.

Заблудившись среди этих снежных вихрей, круживших на три метра высоты, одна из наших рот нарвалась на минное поле. Командир ехал впереди на коне. Это был молодой капитан бельгийской армии, у него было красивое деревенское имя Дюпре. Его конь наткнулся на один из этих смертельных зарядов. Лошадь, взлетев столбом на два метра в высоту, рухнула с разорванными кишками, тогда как ее всадник лежал на земле с искалеченными в куски ногами.

Степь вопила, свистела, мяукала о своей победе. Наши солдаты двумя палками скрепили, как шинами, искалеченные конечности и перенесли на еловых ветках своего несчастного капитана. Через несколько километров они дошли до пустой избы.

Потребовалось двадцать шесть часов, чтобы вездеход скорой помощи смог прибыть к умирающему. У него было одиннадцать переломов и разрывов. Он курил маленькими короткими затяжками. Он попрощался со своими парнями. Крупные капли пота стекали по его лицу, настолько сильно он мучился. Он умер без единого слова сожаления, затянувшись последний раз своей сигаретой...

* * *

После Гришино были станицы Александровские. В СССР их сто или двести, этих Александровских. Мы блуждали между всеми Александровскими Донбасса.

Наконец, мы добрались до рабочих поселений. Мы подходили к цели. Резкая оттепель стоила нам последнего «грязевого» этапа. В конце грязных полей мы увидели, как поблескивал мокрый гололед Щербиновки, районного центра шахтеров в сорок тысяч жителей. Они стояли неподвижно, молча вдоль стен домов. Многие пристально смотрели на нас недобрыми глазами.

Большевистские войска перегруппировывались, откатившись в степь на три километра восточнее. Но за нашей спиной, мы это чувствовали, подручные коммунистов были в засаде, готовые к удару.

Рождество в Щербиновке

Восточный фронт в декабре 1941 года был капризен, изменчив, как рисунок пляжа. Каждая армия рейха несла на него свою волну по максимуму своих возможностей. Каждая часть в конце октября оказывалась увязшей в предательских поселках, имея пустые зоны слева и справа, зная лишь приблизительно намерения и расположение врага, который так же наступал изо всех сил в беспорядке, часто походившем на водевиль.

Благодаря распутице красным удалось некоторые военные операции: они отвоевали Ростов; из-за нехватки бензина немцы должны были или оставить его, или сжечь там сотни грузовиков.

Осмелев от этого локального успеха, Советы ободрились и на востоке Донбасса, на левом крыле нашего участка. От Славянска до Артемовска их атаки были крайне яростными.

Русские давили на нас главным образом в двадцати километрах северо-восточнее наших блиндажей. Перед нашими позициями в Щербиновке враг сначала не атаковал активно, поскольку, как и мы, погряз на местности, которая оттаивала, как если бы ее положили в горячее озеро.

Наше тыловое обеспечение тратило пятьдесят часов или более, чтобы преодолеть двадцать километров, отделявшие нас от складов в станице Константиновской. Даже ни один мотоциклист не мог проехать. Лошади подыхали в дороге на исходе сил, падая мордами в грязь.

* * *

Щербиновка стала абсолютно невыносимой, отвратительной. Повсюду оттаивавшие испражнения отравляли воздух. Загаженность и нищета города трагически свидетельствовали о том, что сделал советский режим с крупными пролетарскими центрами. Оборудование угледобывающей промышленности использовалось с 1900 или с 1905 года, приобретенное в благоприятные времена импорта из Франции.

Шахты, взорванные отступавшими большевиками, были непригодны для использования.

Так было со всем промышленным оборудованием оккупированной России. Систематично, с дьявольским профессионализмом, команды советских специалистов-подрывников разрушали заводы, взрывали шахты, склады в каждом промышленном районе, в каждом городе, в каждом пригороде.

Выжженная земля! Выжженные недра!

Даже лошади были забиты и сброшены в шахты. Тошнотворный запах этих гниющих животных распространялся по всей округе, так как вентиляционные люки шахт выходили прямо на улицы.

Эти ямы были едва прикрыты полусгнившими досками. Из этих ям обыкновенно беспрерывно выделялся углекислый газ и удушающие испарения падали.

Советы эвакуировали или разрушили все снабжение города. Народ кормился чем угодно. Изысканными блюдами были куски сдохших лошадей, валявшихся в грязи. Люди яростно вырывали их друг у друга.

Мы должны были застрелить неизлечимо больную лошадь, покрытую отвратительными гнойниками. Мы не успели даже сходить за телегой, чтобы перевезти труп за город. Двадцать человек бросились на это, отрезая и хватая еще дымящееся мясо.

В конце концов осталась лишь требуха, кишки, еще более отвратительные, чем все остальное. Две старухи бросились и на это, на желудок и кишки, разрывая их каждая на себя. Рубец лопнул, облив обеих женщин желто-зеленой смесью. Та, которая оторвала большой кусок, убежала, не вытерев лица, дико прижимая к груди свою добычу.

Под стать этим чудесам были и места дислокации части. Когда мы возвращались с наших позиций, мы набивались в школьные помещения, недавно построенные государством: три длинных постройки, называемые современными, точно в таком же стиле, как мы видели начальная с Днепропетровска. Первый солдат, захотевший вбить гвоздь в стену, чтобы повесить свое оружие, сразу пробил ее одним ударом молотка. Паркетный пол состоял из расщепившихся досок, между ними гулял воздух. Под этим импровизированным полом открывалась пустота, поскольку здания стояли лишь на нескольких сваях.

Между тремя этими постройками находился свободный участок земли, настолько грязный, что мы вынуждены были поставить ящики и выстроить из них переход от одного здания к другому. Запах углекислого газа постоянно ощущался вокруг школы.

К 20 декабря снег и морозы возобновились. Мы внезапно ощутили двадцать градусов ниже нуля. На наших, не пригнанных плотно, со щелями, досках мы дрожали от холода, съевшись под одним одеялом.

Наступили праздники, праздники для других. Мы совершили молитву в церкви, которой мы возвратили ее культовый статус. Хор русских певчих пел пронзительные, разрывающие душу псалмы. На улице большими хлопьями падал снег. Лежа за своими пулеметами, часть наших солдат находилась в карауле, охраняя все четыре направления к зданию.

Но наши души обледелели от этих недель скитаний в бесцветной тишине, посреди которой наши мечты плыли как по течению.

Европейские легионы, популярные в газетах рейха, были встречены на фронте 1941 года крайне скептически. Некоторые немецкие генералы опасались вкрапления в свои элитные дивизии частей, посланных на восток в целях пропаганды. Они не всегда представляли себе весь энтузиазм, воодушевление и добрую волю наших добровольческих частей. Это непонимание было нам в тягость.

Нам хотелось быстрее дождаться того момента, когда какое-нибудь событие или случай заставит по достоинству оценить силу наших убеждений. Но такой момент долго не наступал. Тем временем, неизвестные и непризнанные, мы должны были довольствоваться службой горькой и полной всяких придирок и упреков.

Мы отметили Рождество и Новый год без особой радости в наших увечных комнатах. Ясли-хлев, огороженные на глинобитном полу для хранения древесного угля, напоминали нам наши домашние рождественские праздники. Дымились чахлые лампадки. Расположившись на соломе, мы смотрели в пустоту. На вершине склона, на верхушках деревянных крестов, стальные каски наших товарищей были покрыты шапками снега, похожими на хризантемы, упавшие с неба.

Итальянцы Донбасса

Иностранные части были очень многочисленны на Советском фронте. На юге находились экспедиционные корпуса Центральной Европы и Балкан, своеобразные в некотором роде части, но раздираемые всяческим соперничеством. Венгры и румыны всегда были готовы выцарапать друг другу глаза из-за какой-нибудь буковой рощи или десяти метров поля люцерны в Пуште. Хорваты, более славяне, чем украинцы, были разделены на мусульман и католиков.

Итальянцы в 1941 году составляли самую многочисленную часть иностранцев на всем Восточном фронте. Их прибыло шестьдесят тысяч, разделенных на три дивизии и многочисленные отряды военных специалистов. Их видели повсюду от Днепра до Донбасса. Невысокие, чернявые, смешные в своих пилотках-двуугольниках или похожие на райских птичек под своими касками, на которых степные вихри разведали внушительные снопы петушиных перьев!

Винтовки у них были похожи на игрушки, которыми они владели с большим умением, охотясь и убивая всех кур в округе.

Мы познакомились с ними во время нашей высадки в Днепропетровске. Мы сразу же высоко оценили их дух инициативы и сноровку. Они окружили огромную бочку, лежавшую на железнодорожной платформе. Это была бочка кьянти. Сбоку они проделывали едва заметную дырочку, в нее вставляли соломинку; жидкость чудесным образом вытекала наружу.

Изобретение имело огромный успех среди наших любителей, подходивших в большом количестве и возвращавшихся потом к этому чудесному фонтану, достойному славы бургундской свадьбы Карла Смелого или Филиппа Доброго. Итальянцы, уверенные в будущем – это была бочка на две тысячи литров, с большой любезностью уступали нам место. С этого момента валлонские добровольцы прониклись исключительной любовью к Италии и были рады помощи, оказываемой ею на Восточном фронте.

Фронт состоял не из одной сплошной линии, а из опорных, укрепленных точек. У наших постов в Щербиновке на левом и правом флангах не было ничего, кроме снега. Чтобы добраться до итальянцев, чей участок располагался к югу от Сталино, нам нужно было два часа пути по степи. Мы ходили к ним поболтать во время затишья. Очевидно, что не без интереса к их лимонам и кьянти, но нас притягивало также их обаяние.

Сложность была в том, что они ненавидели немцев. Те не могли выносить их мародерство, недостойный разврат в разрушенных избах, их залихватскую униформу и выправку, их цветистую латинскую беспечность, полную спеси и горделивости, беззаботность, любезность и радостную, веселую болтовню, так далекие от прусской строгости.

С другой стороны, итальянцы испытывали боль в шее и спазм в горле, как только они видели какого-нибудь немца, вставшего по стойке смирно и выкрикивающего какие-то команды. Это никак не вязалось с их руками в карманах, раскрашенными плюмажами и повадками гаврошей.

Их понятия о национализме тоже не совпадали. Итальянцы любили Муссолини и по всякому поводу орали ему славу как оглашенные, но эти излияния чувств были только сентиментального свойства. Имперские мечты Муссолини их не трогали. Они были гордые, как петухи, но без амбиций.

Однажды, когда они настаивали на своем желании мира любой ценой, я им возразил:

– Но если вы не будете воевать до конца, вы потеряете свои колонии!

– Ба-а! – ответили они мне. – Зачем воевать за колонии? Мы счастливы у себя дома. Нам ничего не нужно. У нас есть солнце. У нас есть фрукты. У нас есть любовь...

Это была философия, стоявшая другой. Гораций говорил то же самое, но не так открыто.

Они считали также абсолютно ненужным, бесполезным работать сверх меры. Наше понимание, наша концепция труда совершенно не захватывала их. Зачем столько работать? И они опять начинали вяло, обворожительно и певуче приговаривать: солнце, фрукты, любовь...

– В конце концов, – удивленно продолжал я, – работа – это радость! Вы не любите работать?

Тогда один итальянец с юга с княжеской элегантностью, естественно и великолепно ответил мне:

– Но, сударь, работа изнашивает человека.

Это изнашивает! Когда немцы слышали подобные ответы, они задыхались от возмущения и были целую неделю на грани апоплексии.

К несчастью, так же истощают, изнуряют и караулы день и ночь, а также неблагодарная служба в снегу на морозе.

Часто болтуны-часовые покидали свой пост, предпочитая ему тепло какой-нибудь избы, где они болтали, шутили, забавлялись и вблизи изучали прелести местных богинь. В конце концов русские узнали об этом. Они готовили серьезный удар. Наши заальпийские друзья дорого заплатили за свое романтическое разгильдяйство.

Однажды ночью на южной стороне участка усиленные части казаков вклинились на своих резвых конях через густые снега. На заре они смогли свободно окружить три деревни, занятые итальянцами, но не охраняемые часовыми, занятыми сном и любовью. Это было полной внезапностью.

Советы питали особую ненависть к итальянцам. Они их презирали еще больше, чем немцев, на всем Восточном фронте обходясь с ними с большой жестокостью. Одним махом они овладели тремя деревнями, никто не успел прийти в себя. Пленных подвели полностью раздетыми к колодцам, где началось истязание. Казаки набирали полные ведра ледяной воды и выливали ее на тела своих жертв. Было тридцать, а то и тридцать шесть градусов ниже нуля. Несчастные в трех деревнях все замерзли заживо.

Никто не спасся, даже врачи. Даже полевой священник, оголенный, как римский мрамор, также подвергся ужасной ледяной казни. Через два дня эти три деревни были отбиты. Повсюду на снегу валялись голые тела, скрюченные, сжавшиеся, как будто они сгорели в огне.

С того дня итальянские войска в Донбассе были усилены бронетанковыми частями рейха. Вдоль их позиций в густом снегу пытели тяжелые немецкие танки, полностью выкрашенные в белый цвет.

* * *

Это было необходимо. Красные все более и более активизировались. Слева и справа от нас шли яростные бои, день и ночь степь дрожала от канонады. Внезапно появлялись советские самолеты. Их бомбы выбивали вокруг нас большие серые воронки.

Холод становился все пронзительнее, резче. Температура в середине января опускалась до тридцати восьми градусов ниже нуля.

Наши невысокие лошади были совсем белые от мороза. Из их ноздрей, мокрых от крови, по капле падали на санные следы сотни розовых пятен, похожих на гвоздики...

Воющая степь

Наша жизнь под Щербиновкой становилась невыносимой. Мы кое-как заткнули соломой окна, в которых отступавшими советскими бандами была выбита половина стекол. Но холодный ветер врвался и ожесточенно продувал нас между досками пола. Мы надевали на себя все наше жалкое обмундирование, мы всовывали ступни в рукава шинелей. Но что была шинель, легкое одеяло, немного соломы против ветра, которым бросалась в нас проклятая степь, пронизывая эти бараки?

Мы раскалывали топором маргарин, колбасу и хлеб, твердые как скала. Несколько яиц, которые доносила до нас служба снабжения, доходили до нас замороженными, почти серого цвета. Это все были часы ожидания.

* * *

Наши передовые позиции находились в трех километрах к востоку от Щербиновки.

Мы отправились туда группами по снегу, обычно достигавшему сорока-пятидесяти сантиметров. Мороз колебался от двадцати пяти до тридцати пяти градусов ниже нуля.

В некоторых ротах маленькие блиндажи были вырыты прямо на склонах угольных терриконов. Другие обосновались прямо в голой степи.

Но снег был ничто по сравнению с жестокой снежной бурей. Она выла, по-кошачьи стонала длинными завываниями, бросая в нас тысячи маленьких острых стрел, как струя камней, разрывающих нас.

Наконец-то мы получили шерстяные шлемы и перчатки из очень тонкого трико, которые почти не защищали нас. Но у нас по-прежнему не было ни меховой одежды, ни валенок.

У того, кто снимал перчатки, сразу леденели пальцы. Мы натягивали свои шерстяные шлемы до самого носа: наше дыхание сквозь них превращалось в толстые ледышки на уровне льда, в длинные белые усы на бровях. Даже наши слезы леденели, превращаясь в крупные жемчужины, болезненно сковывавшие веки. С большим трудом мы размыкали их. В любой момент чей-то нос или щека становились бледно-желтыми, как кожа барабана. Чтобы избежать обморожения, надо было растирать кожу снегом. Часто это было слишком поздно.

* * *

Эти снежные круговерти давали очевидное преимущество ударным советским частям. Русские были привычны к такому невероятному климату. Им помогали их лыжи, их собаки, сани и быстрые кони. Они были одеты так, чтобы сопротивляться холодам, в подбитые ватой телогрейки, в валенках, не вязших в снегу, сухом, как кристальная пыль. Они неизбежно должны были воспользоваться муками тысяч европейских солдат, брошенных смелым ударом в эти степи, в этот холодный ветер, в этот мороз без соответствующей тренировки, снаряжения и обмундирования.

Они просачивались повсюду. Их шпионы, переодетые в гражданскую одежду, проникали сквозь наши посты, добирались до рабочих поселков, находили там пособников. Большинство крестьянского населения ничего не знало о коммунизме, кроме его бесчинств и репрессий; но в промышленных центрах советская пропаганда достигала цели среди молодых рабочих. Это к ним обращались шпионы Красной армии, смелые и идейные комиссары-смутьяны.

Однажды мне в составе расстрельного взвода пришлось расстреливать двоих из таких шпионов, чьих признаний перед военным судом было для этого вполне достаточно.

Когда мы вышли в открытую степь, мы построились. Оба приговоренных, держа руки в карманах, не сказали ни слова. Наш залп повалили их. Какое-то необычное мгновение тишины, в которой дрожало эхо расстрела. Один из этих коммунистов дернулся, как бы желая собрать последние остатки сил. Он вынул правую руку из кармана, выбросил ее вверх со сжатым кулаком над снегом. И мы услышали его крик, последний крик, он крикнул по-немецки, чтобы его поняли: «Хайль Сталин!»

Сжатый кулак упал рядом с другим трупом. У этих людей тоже были свои идейные борцы, идеалисты...

* * *

Обычно же осужденные на смертную казнь русские принимали свою участь с фанатично тупым видом, опустив руки.

Немцы, чтобы не беспокоить солдат и чтобы воздействовать на психику людей, стали вешать схваченных шпионов. Осужденные русские подходили разбитым шагом, с пустыми взглядами, потом они влезали на стул, поставленный на стол. Они ждали так, не прося ничего, не сопротивляясь. Над ними висела веревка, которую им надевали на шею петлей. Это было так... Так все было... Они не сопротивлялись. Удар ногой, выбивавший стул, завершал трагедию.

Однажды немцы за один раз должны были привести в исполнение смертный приговор пятерым осужденным. У одного из повешенных разорвалась веревка, и он рухнул на землю. Он поднялся, не говоря ни слова, сам поставил опять стул на стол, встал на него и совершенно невозмутимо ждал, пока ему наденут на шею другую веревку.

В глубине этих сердец был какой-то восточный фанатизм, детская невинность, беспомощность, а также долгая привычка получать удары и страдать. Они не противились смерти, не протестовали, они не пытались объяснить. Они принимали как должное свой конец, как приняли и все остальное: мрачную избу, кнут помещиков и рабство коммунизма...

* * *

Вторые две недели января 1942 года были намного беспокойнее. Многие части меняли дислокацию. Советские самолеты атаковали нас три-четыре раза в день.

Мы еще не знали, что произошло.

Отборные советские части, подтянутые из Сибири, перешли по льду Донец на севере «нашего» промышленного района. Они обошли оборонительные линии немцев и достигли важнейших железнодорожных магистралей, в частности Киев – Полтава – Славянск. Они захватили крупные склады боеприпасов и откатились к западу. Русским и сибирякам удалось совершить глубокий прорыв в направлении Днепра. Они грозили отрезать всю Южную группировку, они уже перешли реку Самару.

Казачьи разъезды доходили даже до самого Днепропетровска, до которого оставалось лишь двенадцать километров.

Немецкое командование спешно собрало необходимые силы для контрнаступления. Контрнаступление, в то время как термометр показывал тридцать пять – сорок градусов ниже нуля.

Мы почти не догадывались о том, что нас ожидало, когда срочный приказ поднял нас по тревоге. В ту же ночь мы снялись с места. В четыре часа утра мы уже шагали за нашими фургонами посреди прекрасной степи, которую, ослепляя нас, заметал снег.

Мы ничего не знали о направлении нашего движения. И тем не менее приближался час крови и славы.

Казачи

Это было, если мне не изменяет память, 26 января 1942 года.

Мы не знали точно, на какую глубину прорвались сибирские части, скользя на своих собачьих нартах, и казаки на невысоких быстрых конях, очень выносливых.

Враг должен быть где-то близко. Это все, что мы смогли узнать. Впрочем, мы, простые пехотинцы, знали мало. Мы даже наивно думали, что отступаем. Я, как простой солдат, ничего не знал больше своих товарищей, моя жизнь была в точности жизнью моей части, и я не имел никакого контакта с высшим руководством.

Нашей задачей, которую мы знали, был опять населенный пункт Гришино, расположенный в шестидесяти километрах к северо-западу от Щербиновки. Несомненно, в течение всего перехода мы вплотную подходили к вражеским порядкам. На первом этапе марша у нас был приказ воспользоваться неиспользуемыми обходными путями, позволявшими срезать расстояние.

Нам потребовалось четыре часа, чтобы выступить в снежной буре. Мы не видели ничего дальше десяти шагов перед собой. Когда мы вышли на открытую местность, степь обступила нас со всех сторон.

Дорога поднималась и опускалась по невысоким и крутым холмам. Мы тащили с собой штальвагены – стальные повозки, весившие более тысячи килограммов, замечательные средства перевозки для мощеных или асфальтированных дорог Европы, но абсолютно не подходящие к условиям снегов и льдов степи. Русские крестьяне используют только деревянные сани и телеги, легкие, с тонкими и очень высокими колесами.

Наши огромные катафалки неслись с сумасшедшей скоростью на спусках, несмотря на тормоза. Лошади падали, кувыркались в снегу, повозки опрокидывались. На подъемах же нам надо было толкать их по двадцать человек каждую. Через несколько часов многие такие фургоны увязли или застряли в снежных ямах на крутых подъемах.

Наш этап был длиной всего лишь в двенадцать километров. Между тем, нам потребовалось пробираться целую ночь. Только к шести часам вечера следующего дня мы смогли доставить все снаряжение и боеприпасы.

Уже четыре сибиряка пришли на разведку в деревню и были убиты у первых домов.

* * *

В пять часов утра наше продвижение возобновилось. Снежные вихри прекратились, но зато мороз стал еще злее. От него обледенела дорога по склону и стала под снегом как каток. Лошади не могли двигаться вперед, многие сломали ноги. В полдень мы едва преодолели чуть более километра.

Перед нами пролежала узкая долина. Пурга сильно завалила ее снегом. Весь наш батальон должен был взяться за работу, чтобы прорыть коридор в пятьдесят метров в длину и три в глубину.

Подъем был тяжелым! Ужасно изнурительной была операция по втаскиванию наверх наших стальных телег. В девять часов вечера с первыми фургонами мы достигли вершины подъема. За шестнадцать часов мы одолели ровно три километра!

Мы завезли наши повозки в какой-то сарай. Только несколько человек смогли влезть туда и разместиться. Один крестьянин показал нам дорогу к хутору, что находился километрах в четырех в стороне от долины. Мы тронулись при свете луны. Снег порой доходил нам до живота. Наконец мы дошли до места, где нашли несколько избушек такого убогого вида, какого мы еще никогда нигде не видели.

Мы устроились вдсятером на глинобитном полу в единственной комнатухе одной из хижин, полной гражданских людей, очевидно, скрывавшихся и ждавших прихода сибиряков. Одна дородная девица, красная, как омар, переходила от одного русского к другому, освещая себе дорогу масляной лампой. На ней была только тонкая фланелевая рубашка, наполовину закрывавшая тело. Она бесстыдно хихикала, неумоимо продолжая свой обход, пока не прошла по кругу. После этого она залезла на печку, отпуская грязные присказки. Но самцы уже не слышали ее, они уже храпели, сделав свое дело.

В комнатухе слышалось дыхание и движение скотины, вонь от которой была невыносимой. В шесть часов утра мы снова углубились в снега, вернувшись к нашим повозкам.

* * *

С вершины плато мы видели, как рота, оставшаяся вчера внизу, в изнеможении толкала свои стальные фургоны. Подъем точно продлится до ночи.

Меня послали на разведку в поисках места для лагеря в направлении одного совхоза, в четырех-пяти километрах к востоку. Мы поехали втроем на тройке, найденной в сарае. Совхоз еще существовал, многие русские суетились там. Пригодная для жилья комната была заселена телятами, размещенными от холода у семейного очага на извечном земляном полу, который они непрерывно орошали. Приспособленное под это ведро всегда опаздывало, и аромат стоял неизменно.

Один из моих товарищей уехал на санях, чтобы показать дорогу нашим. Со мной остался однополчанин – шахтер из Борунажа, с густым певучим говором, с эпохальными фамилией и именем: Ахилл Роланд. Люди в хате были неприветливые, хмурые. Советские самолеты, пролетая над совхозом, разбрасывали листовки, где говорилось о прибытии Красной армии. Все наши аборигены наблюдали за линией холмов и небом.

Около двух часов дня показались силуэты всадников. Мужики переглянулись с понимающим видом. Они исподтишка наблюдали за нами из-под своих мохнатых бровей.

В четыре часа дня никто из наших не прибыл. Мы ждали появления казаков во дворе. Я установил свой пулемет в прихожей. С нашим вооружением мы могли бы здорово подраться. За поясом у нас были связки гранат на случай, если бы понадобилось успокоить наши тылы, вздумай совхозные мужики нас атаковать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.